

DOI: 10.31857/S013038640021032-3

© 2022 г. В.С. МИРЗЕХАНОВ, Л.В. ЛАННИК

**БАТУМСКАЯ ПОДСИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И МЕЖИМПЕРСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ,
ИЮНЬ—АВГУСТ 1918 года**

Мирзеханов Велихан Салманханович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Аннотация. Имплементация Батумских договоров от 4 июня 1918 г. означала установление гегемонии Османской империи в макрорегионе между Черным и Каспийским морями. С первых же дней это вызвало противодействие других имперских акторов, включая союзную Турции Германию. В июне—июле 1918 г. все претенденты на контроль над постимперскими пространствами бывшей Османской империи были вынуждены сочетать силовые и дипломатические средства для укрепления своих позиций, подбирая союзников и накапливая силы. По ряду объективных причин ни одна из держав не обладала необходимыми для реализации своих целей ресурсами, сталкиваясь с дефицитом не только военных средств, но и необходимых технических условий. Заинтересованность в трансформации региона была крайне высока: Германия и Советская Россия стремились включить Закавказье в пространство более крупной Брестской системы, Антанта и Центральные державы продолжали решающую кампанию Великой войны, младотурки видели единственный шанс в реализации своих националистических проектов. Заложниками этих устремлений становились только что появившиеся и находившиеся на разных стадиях оформления государства-лимитрофы по обе стороны Кавказского хребта. Определяющую роль в их судьбе играли германская миссия в Грузии, содействие Османской империи Азербайджану и Горской республике, а также стремление Армении получить помощь от Великобритании, Советской России или Австро-Венгрии. Политика великих держав осложнялась проблемами коалиционного взаимодействия и системными тенденциями к оформлению целостного геополитического пространства на основе победы Центральных держав над распавшейся Российской империей и Румынией. Решить эту проблему с помощью мирной конференции в Константинополе не удалось, а усилия Антанты, направленные на восстановление Восточного фронта в тех или иных регионах бывшей Российской империи, нарастали. Взаимодействие и конкуренция различных акторов приводили к активному вовлечению макрорегиона в логику Великой войны, так что попытки дипломатического оформления или ревизии Батумской подсистемы вскоре сменились военным противостоянием всех имперских претендентов вокруг Баку. В статье на основе дипломатических архивов бывших Центральных держав реконструируются процессы становления новой подсистемы международных отношений.

Ключевые слова: международные отношения, международные системы, Первая мировая война, Османская империя, распад империй, государства-лимитрофы, межимперская конкуренция, Грузия, Армения, Азербайджан, послевоенное устройство, Закавказье.

V.S. Mirzekhanov, L.V. Lannik

The Batum Subsystem of International Relations: Problems of Formation and Inter-Imperial Competition, June–August 1918

Velikhan Mirzekhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Abstract. The implementation of the Treaty of Batum on 4 June 1918 signalled the hegemony of the Ottoman Empire in the macro-region between the Black and Caspian Seas. From the very first days it provoked opposition from other imperial actors, including Germany, an ally of Turkey. In June–July 1918, all the contenders for control over the post-imperial spaces of the former Ottoman Empire were forced to combine coercive and diplomatic means to strengthen their positions, recruiting allies, and amassing forces. Due to a number of objective reasons, none of the great powers had the necessary resources to achieve their goals, facing a shortage of both military means and the necessary technical conditions. Their interest in the transformation of the region was extremely high: Germany and Soviet Russia sought to incorporate Transcaucasia into the space of the larger Brest system, while the Entente and the Central Powers were still engaged in a decisive campaign of the Great War, and the Young Turks saw their only chance of implementing their nationalist projects. The hostages of these aspirations were the newly emerged limitrophe states, which were in various stages of formation, on both sides of the Caucasus range. The German mission to Georgia, the Ottoman assistance to Azerbaijan and the Mountainous Republic, and Armenia's hopes for assistance from Britain, Soviet Russia or Austria-Hungary all played a decisive role in their fate. The policy of the great powers was complicated by problems of coalition interaction and systemic trends towards the formation of a coherent geopolitical space following the victory of the Central Powers over the disintegrating Russian Empire and Romania. The peace conference in Constantinople failed to resolve the problem, and the Entente's efforts to re-establish the Eastern Front in parts of the former Russian Empire were growing. Interaction and competition between various actors led to the active integration of the macro-region into the logic of the Great War, so that attempts to diplomatically formalise or revise the Batum subsystem were soon replaced by military confrontation between all the imperial claimants around Baku. The article draws on the diplomatic archives of the former Central Powers to reconstruct the formation of a new subsystem of international relations.

Keywords: international relations, international systems, World War I, Ottoman Empire, disintegration of the empires, limitrophe states, inter-imperial rivalry, Georgia, Armenia, Azerbaijan, post-war settlement, Transcaucasia.

Системность международных отношений делает попытки анализа любых двусторонних отношений и билатеральных связей своего рода теоретической абстракцией. Они позволяют существенно детализировать представления о ряде процессов, особенно локального уровня, сконцентрироваться на отдельных событиях или личном вкладе ряда деятелей, однако часто приводят к деформации представлений о региональной, а тем более макрорегиональной динамике и расстановке сил. В случае анализа межимперских отношений, и особенно соперничества, фиксация на усилиях двух, даже важнейших, держав чревата тяжелыми искажениями в общем балансе исследуемых явлений. Это обуславливает необходимость не дву-, а многостороннего анализа действий имперских акторов в Закавказье, тем более в уникальной ситуации финала Великой войны. Источниковая база по данной тематике обладает выраженной спецификой относительно каждой

из претендовавших на гегемонию на Южном Кавказе империй (в том числе из-за особенностей хранения исторических документов), однако является более чем достаточной для решения задач почти любого уровня детализации¹. Изложение по-настоящему подробной фактологии процессов и перечисление событий, вызывавших резкие кризисы в обстановке, потребовало бы по меньшей мере монографии, поэтому в данной статье важно ограничиться прослеживанием общей динамики в Батумской подсистеме, ее связи с процессом развития Брестской системы международных отношений и тенденций к проявлению и усложнению системного взаимодействия. Задача усложняется деформацией указанного процесса, вызванной межимперской конкуренцией и отражавшей баланс сил на международной арене в целом и в исследуемом макрорегионе в частности².

Данная авторами ранее общая характеристика подсистемы, наченной серией Батумских мирных договоров от 4 июня 1918 г.³, позволяет перейти к рассмотрению событий на территориях макрорегиона между Черным и Каспийским морями к югу от Кавказского хребта на основном этапе имплементации этих соглашений на основе единой логики трансформации постимперских пространств в условиях финальной кампании Первой мировой войны на турецких фронтах. При оценке темпов, адекватности и потенциала действий акторов имперской политики в Закавказье и прилегающих регионах надо иметь в виду не только нюансы географии и инфраструктуры, но и информационные возможности по координации усилий, исполнению указаний центральных ведомств на местах, а они оказались совершенно недостаточны с учетом многих факторов, включая линии фронтов в местных конфликтах, слабо развитую или демонтированную сеть коммуникаций и информационных каналов (телеграфа и железных дорог), острую нехватку сколько-нибудь мощных радиостанций, не считая корабельных, и автомобильного транспорта и т.д. При всем желании получать своевременные сведения о происходящем на других театрах военных действий в Великой войне, а тем более о важнейших политических событиях, было чрезвычайно сложно. Огромный эффект имела и информационная конкуренция империй, пытавшихся заблокировать важнейшие сведения не только для противников, но и для союзников, что наглядно видно из материалов германо-османских отношений. Межсоюзническое взаимодействие Центральных держав (не говоря о контактах с локальными игроками) осложнял и языковой фактор, ведь османские элиты, как правило, владели французским, но не немецким языком, так что выручали — ценой дополнительного перевода и всех связанных с ним издержек — лишь навыки дипломатов и генштабистов

¹ Особенно выделяются, помимо советской и вообще русскоязычной литературы, немецкоязычная историография и корпус опубликованных источников. Некоторые замечания по историографии данного комплекса проблем, в том числе национальной, см.: Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5–22.

² Компактным изложением важнейших источников по политике Центральных держав и взаимодействия с ними национальных акторов является: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918)*. Wien; Köln; Weimar, 1992. Опубликованная источниковая база постоянно пополняется до сих пор. См., например: Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020. В СССР советская политика в Закавказье в рамках единой монографии почти не излагалась, часто сохраняя республиканские «границы». Этого недостатка были лишены работы по истории Османской империи: *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны. М., 1966. Действия Антанты также описываются в рамках этноцентрического подхода, хотя есть и масштабные исследования регионального уровня с использованием британских и французских архивов: *Zürner W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*. Düsseldorf, 1978. Уникальная подборка документов о контексте германской политики в стадии наращивания интервенции в Закавказье: *Baumgart W. Das "Kaspi-Unternehmen" – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs?* 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

³ См. подробнее: Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Указ. соч.

Германии и Австро-Венгрии⁴. При таких условиях срок поступления и передачи в центр принятых решений и самых неотложных донесений был долог и потому неприемлем (до 12–14 дней). Последующий период, необходимый для обратной связи, получения запрошенных указаний и полномочий, обесценивал первичный импульс любой значимости едва ли не полностью.

Заключение серии продиктованных Османской империей договоров в Батуме представляло собой рамочный проект переустройства громадной и крайне неоднородной территории, которая к 4 июня не контролировалась правительствами — подписантами этих соглашений даже наполовину. Таким образом, предстоял этап не столько имплементации, сколько подготовки условий для нее путем установления силового контроля над территориями, указанными в договорах, без действительно прочных гарантий лояльности друг к другу Порты, трех закавказских государств и Горской республики, лидеры которой продолжали балансировать на грани статуса политических эмигрантов. Самым выгодным фактором для потенциальной османской гегемонии в макрорегионе, воспринимавшейся в кругах младотурок как «возвращение утраченного», являлось отсутствие к началу июня 1918 г. возможности эффективно блокировать экспансию турецких войск сразу у всех трех основных имперских конкурентов Порты: Британской империи, Советской России и у все менее однозначно союзной Турции Германской империи.

Неожиданностью явился сам факт подписания договоров с Портой осколков Закавказской федерации, ведь предшествующие попытки (в Трапезунде) окончились полной неудачей. Быстрое оформление Батумского варианта переустройства Закавказья застало врасплох Германию, уверенную в том, что она вскоре заставит Османскую империю прекратить излишнее давление и на Тифлис, и на Эривань, вынудив согласовать компромиссный мир всего Закавказья (даже уже распавшегося) со всеми Центральными державами⁵. Германский военный уполномоченный в Константинополе генерал-майор О. фон Лоссов, сыгравший, наряду с Ф.-В. фон дер Шуленбургом, решающую роль в появлении после провала переговоров в Батуме под германским протекторатом независимой Грузии⁶, только что выехал в Берлин и в Спа, чтобы провести серию совещаний с военно-политическим руководством Кайзеррейха, каким образом трансформировать постимперские пространства. Его отъезд сначала из Батума в Потти, а затем в Германию дал Османской империи повод к «своевольным» действиям, так что теперь Кайзеррейх был убежден, что за своего рода «Сан-Стефанским» миром, где победители в Закавказье позволили себе слишком многое, должен последовать — с участием всего Четверного союза и Советской России, а возможно и Персии — новый «Берлинский конгресс», где условия под серьезным нажимом ключевых держав будут отредактированы в пользу побежденных. Это должно было произойти в Константинополе, так что горькая пилюля отказа от части завоеваний была бы приправлена для амбициозных младотурок видимостью решающей роли Османской империи в происходящем. Таким образом, Батумская макрорегиональная подсистема, сомкнувшись с другими подсистемами в Причерноморье (Бухарестской, например), преобразовывалась в Константинопольскую, куда более масштабную и санкционированную всеми державами Четверного союза, а также их партнерами по Брестскому договору — Украиной и Советской Россией.

⁴ Хотя и у них оставяло желать много лучшего владение русским языком, а тем более турецким — важнейшими языками межнационального общения в макрорегионе.

⁵ Представление о том, как видели себе будущее мирного урегулирования в Закавказье германские эмиссары на Батумской конференции (в мае 1918 г.) дает так называемая «папка Везендонка»: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — PA AA). RZ 201/11110.

⁶ См. новейшее исследование на основе недавно защищенной диссертации: *Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus*. Paderborn, 2022. Биографии О. фон Лоссова не существует, биографы Ф.-В. фон дер Шуленбурга сосредоточены на его миссии послом в Москве и особенно на роли в движении Сопrotивления.

Но еще в начале июня, до разработки основного сценария трансформации османских притязаний в регионе, последовали первые шаги по имплементации Батумских договоров и одновременно противодействие этому не только врагов Порты, но и ее союзников. 4–10 июня постоянная германская миссия в Грузии во главе с генерал-майором Ф. Крессом фон Крессенштейном, формировавшаяся в Германии с середины мая⁷, только готовилась к отбытию через Константинополь в Тифлис. В те же дни первые контингенты кайзеровских войск дожидались переброски морем в Севастополе, они призваны были обозначить покровительство над Грузией, но не более того из-за скромной численности. В очень короткие сроки аналогичные миссии, пока не предполагавшие военной составляющей, были санкционированы в Вене (во главе с Г.А. фон Франкенштейном и Ш. Павласом), а затем в Софии (генерал И. Станчев). В полном составе они успели выехать в Тифлис вместе с Крессом, обеспечив видимость общекоалиционной позиции по чрезмерной османской экспансии. В действительности цели и установки трех стран — союзниц Порты совпадали лишь частично. Австро-венгерская дипломатия, вероятно, наиболее эффективная в Четверном союзе, полагала, что будет даже выгодно учесть турецкие амбиции, ведь в противном случае младотурки сорвут все усилия по использованию ресурсов Закавказья. Разумеется, любое посредничество Вена намерена была предоставить только в том случае, если Германия учтет ее острые потребности, а османская сторона гарантирует встречные уступки. По мере поступления информации на Бальхаусплац прониклись убеждением, что в регионе, где «все против всех», в этой «кавказской Македонии», никакое активное вмешательство не оправдывает себя, поэтому Австро-Венгрия была готова следовать в фарватере германской политики, получая выгоды от роли арбитра. Это исключало ее из числа даже потенциальных участников межимперской конкуренции, делало ее степень участия в событиях зависимой от готовности Германии заплатить за содействие австро-венгерских инстанций в реализации нужного Кайзеррейху сценария. В Берлине и в германской Ставке в вопросах уступок Вене всегда колебались. Болгария участвовала в тройственном вмешательстве по соображениям престижа, а также стремилась получить контраргументы в разгоревшемся к началу мая остром конфликте вокруг уточнения взаимных позиций по итогам Бухарестского мира и в связи с прежними компромиссами во Фракии⁸. Она имела все основания рассчитывать на поддержку Германии в обмен на общие усилия против османских амбиций и Австро-Венгрии, ведь в Вене были заинтересованы в достижении стабильности на Балканах на основе «умиротворения» Болгарии.

Детальные условия Батумских договоров стали известны — из-за намеренного информационного саботажа османской стороны и крупных технических трудностей со связью — далеко не сразу. Как только информация была получена, и дипломатическое (Auswärtiges Amt, AA), и военное (Oberste Heeresleitung, ОХЛ) руководство Кайзеррейха заняло принципиальную позицию, имевшую в виду безусловную коррекцию и условий соглашений, и статуса закавказских государств, и направления, и темпов любой османской экспансии на восток. Такое, далеко не частое в Германской империи, единогласие высших инстанций привело к важному компромиссу: германская миссия в Грузии имела двойное, военно-дипломатическое, подчинение. Младотурецкий триумvirат, а также амбициозные командующие на Кавказе предвидели бурное недовольство Германии, потому поспешили поставить в первую очередь именно Берлин перед фактом не только новых границ, но и масштабного вторжения османских войск на бывшие российские территории, в том числе вопреки только что продиктованным границам Армении и Грузии.

⁷ См. подробнее: Friedrich Freiherr Kref von Kressenstein. S. 94–115; Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 395–399.

⁸ О проблемах Бухарестской подсистемы см.: Ланник Л.В. Указ. соч. С. 253–273. В. Биль весьма удачно охарактеризовал стремление Болгарии увязать ряд территориальных споров с проблемами Закавказья как попытку согласовать юнктим (Junktim): Bihl W. Op. cit. S. 265ff.

Британские эмиссары ожидали от германо-турецкой активности в Закавказье усиления давления на свои позиции в Персии, а потому были полны решимости использовать любые конфликты в регионе для переориентации местных акторов на взаимодействие с Антантой, даже ситуативное и лишённое официального статуса. Жесткий турецкий диктат гарантировал рост недовольства, однако новых союзников пока не просматривалось. В середине июня стало ясно, что правительство в Тифлисе прочно связало свою судьбу с германскими покровителями, ведь иных внешних сил, которые могли ему помочь немедленно отразить натиск Порты и реализовать свои территориальные притязания, не существовало. Грузинские политики готовы были рассматривать всевозможные варианты, но у них почти не было выбора в обстановке прямой военной угрозы. Армянские элиты оказались расколоты между радикальной и бесперспективной позицией сопротивления младотуркам любой ценой и при любых союзниках (Андраник (Озаян), генерал Дро (Канаян) и др.) и курсом на унижительные соглашения в надежде на дальнейшее вмешательство Германии (эриванское правительство). Последнее было вполне логично, однако сроки и эффективность германской помощи оставались крайне туманными. В отличие от Грузии, где кайзеровскому контингенту пока лишь предстояло доказать свою действенность в защите территории нового сателлита, Армения — особенно в батумских границах — была фактически отрезана от внешнего мира. Османская экспансия была, очевидно, нацелена на полное блокирование оставшихся армянских территорий и последующую ликвидацию государственности с центром в Эривани. Сомнительно было рассчитывать на прямую британскую помощь: фронт в Месопотамии был заморожен до осени 1918 г., многие подразделения переброшены на другие театры военных действий. Активные действия по установлению контроля над бывшей русской зоной влияния в Персии не принесли результатов, так что можно было прогнозировать новую волну усиления антибританских сил (повстанцев Кучек-хана и др.) при поддержке германских финансов и османских военных инструкторов. Перед отправленными в конце января 1918 г. из Багдада силами генерал-майора Л. Данстервиля (Dunsterforce)⁹ стояли задачи установить контроль на базе Хамадана и Казвина, хотя бы над Энзели (так и не достигнутый в феврале), отладить слаборазвитые в северной Персии коммуникации и способствовать развертыванию группировки на южном Каспии. Масштабы района, вверенного особому британскому контингенту в сотни, а лишь затем тысячи человек, были абсолютно непропорциональны и количеству его солдат, и их качеству (части из Британской Индии, нередко не оснащенные для климата Прикаспия). Куда более вероятным вариантом была в лучшем случае успешная оборона от попыток турок расширить зону влияния в Южном Азербайджане и отрезать любые пробританские силы от выхода к морю, лишив их тем самым возможности воздействовать на Баку. Резкое недовольство в Тегеране появлением османского сателлита с названием «Азербайджан», предвещавшего завуалированную аннексию всей этой исторической области, могло укрепить позиции британцев, однако не давало им никаких военных рычагов воздействия на ситуацию в регионе. Проект проникновения в Закавказье долгое время не был достаточно важным для британского руководства, а потому до сих пор сравнительно слабо отражен в литературе¹⁰.

⁹ Опубликованы и его дневники, и обработанная их беллетризованная версия, в том числе в переводах, причем лучшим из них остается небезупречная версия 1925 г.: *Данстервилль*. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

¹⁰ На это не раз жаловался в своих заметках Данстервилль, описывая и масштабы «вверенных» ему территорий, и равнодушие командования: *The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922* // URL: http://www.gwpda.org/Dunsterforce/Dunsterforce_main.html (дата обращения: 01.02.2022). Помимо мемуаров и дневников Данстервиля (в ряде версий) и поддерживавшего его миссию Роулинсона и нескольких научно-популярных работ сколько-нибудь крупных публикаций британских архивов по проблеме нет. Нет и воспоминаний видных британских дипломатов (например, посла в Тегеране в 1916–1918 гг. Ч. Марлинга). Даже наиболее востребованные в настоящий момент работы британских специалистов по истории Османской империи в Великой войне концентрируются на

Отчасти это позволяют компенсировать некоторые мемуары русских офицеров флота, сотрудничавших с британцами в ходе антибольшевистской борьбы¹¹. Очевидно лишь, что англичане медленно накапливали силы в северной Персии, что говорит скорее о демонстративном характере их миссии вплоть до лета 1918 г., и слабо координировали свои действия с антибольшевистскими силами в регионе. Незначительными ресурсами обладали и французские эмиссары на местах (миссия полковника П. Шардиньи)¹², хотя и они пытались сыграть заметную роль в аккумуляровании любых сил, заинтересованных в противостоянии Центральным державам. Единственным и сомнительным плюсом британской позиции по сравнению с прочими имперскими акторами становилась незначительная роль издержек на компромиссы с союзниками, ведь они (Белое движение и Франция) не обладали потенциалом к формированию собственной линии поведения.

Советская Россия была готова к самому активному вмешательству в события к югу от Кавказского хребта, но почти не обладала для этого военными средствами. Момент подписания Батумских договоров застал Совнарком в момент тяжелейшего кризиса, вызванного серией неудач в борьбе с недавно восставшим Чехословацким корпусом (и новым раундом конфликта с Антантой), острой угрозой эскалации боевых действий с Германией из-за Красного десанта под Таганрогом и боев на демаркационной линии, почти неразрешимыми проблемами вокруг Черноморского флота в Новороссийске, что грозило непредсказуемыми внутривосточными последствиями и полной нелояльностью различных просоветских сил, в том числе на Кубани. В Москве, как и в Константинополе, не ожидали того, что Германия не декларативно, а вполне материально начнет поддерживать независимую Грузию и высадит в Поти войска. На этом фоне связи с германскими дипломатами эмиссаров Горской республики (особенно Г. Бамматова и Т. Чермоева, а затем П. Коцева)¹³, а также перспективы схватки за Баку выглядели куда более мрачными, чем предполагали до этого. Вплоть до конца мая лидеры Советской России полагали, что в короткий срок удастся подавить основные очаги контрреволюции, стабилизировать связь с южными губерниями, что обеспечит возможность быстрой эскалации конфликта с отделившимся (22 апреля) Закавказьем, вплоть до его разгрома (как это получилось с Украинской народной республикой в январе—феврале 1918 г.), в том числе с помощью сил Бакинской коммуны и установления в регионе власти большевиков. «Миротворческие» апелляции германского посла в Москве графа В. фон Мирбаха пока игнорировали. К середине июня шансы на установление советской власти во всем регионе резко снизились. Более того, все отчетливее возникала перспектива потери остатков связи даже с Кубанью (из-за начала осады Царицына), а затем и с Баку, если будет потерян контроль над Астраханью

Палестине и куда реже на Месопотамии, но не на Персии и Закавказье. Пример качественного использования британских архивов по раскрытию деталей миссий в периферийных регионах: *Zürner W. Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344—380; Idem. Persien zwischen England und Rußland 1918—1925. Großmachtereinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a. M.; Las Vegas, 1978; Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918—1924. СПб., 2019.*

¹¹ См., например: *Лешин Н.Н. На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.* В целом же Белое движение не успело принять меры к консолидации усилий на Каспии в 1918 г., так что первые попытки закрепиться в акватории последовали только с весны 1919 г. См., подробнее: *Флот в Белой борьбе / сост., науч. ред., пред. С.В. Волкова. М., 2002. С. 317—411.*

¹² К сожалению, данный аспект деятельности французской военной миссии пока не достаточно исследован, несмотря на новый этап в историографии проблемы. См.: *Галкина Ю.М. Французская военная миссия в России в событиях 1917—1918 гг. // Русский сборник. Т. 28. М., 2020. С. 162—212; Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917—1924 гг.: в 2 кн. / под ред. А.Ю. Павлова. СПб., 2021.*

¹³ В национально ориентированной историографии прослеживается тенденция преувеличивать степень влияния Горской республики и ее лидеров за счет публикации дипломатической переписки, однако в ней события 1918 г. редко занимают положенное им место. См., например: *Гайдар Баммат — известный и неизвестный. Сб. документов и материалов / сост. Х.М. Доного. Баку, 2015.*

и/или Саратовом в ходе наступления чехословаков, казаков атамана А.И. Дутова и прочих антибольшевистских сил. Обострение конфликта с Германией, вызвавшее высадку десанта на Таманском полуострове (12–15 июня) и реальную угрозу захвата Новороссийска, могло привести к быстрому расширению зоны германской оккупации на Северном Кавказе или хотя бы на черноморском побережье. Есть ли на это дополнительные силы у германской группы армий Г. фон Эйхгорна, в руководстве РСФСР не знали и не могли знать, ведь такой информации не было даже у германских дипломатов. В такой беспомощной ситуации готовность Армении и Грузии к компромиссам и альянсу с Москвой (заявленные к концу июня и не раз дававшие о себе знать в июле–августе)¹⁴ практической ценности не имела.

Всей сложности расстановки сил в регионе между Черным и Каспийским морями не представляли себе ни в Москве, ни в Берлине, ни в Лондоне и не вполне в Константинополе. Однако в отличие от первых трех столиц в центре Османской империи обладали инициативой, массой агентов влияния и готовностью рискнуть очень многим (включая резкое недовольство Кайзеррейха) ради экспансии именно в Закавказье, которое стало бы мостом к пантюркистским проектам в Туркестане. Фундаментальная переоценка прежнего этапа экспансии, с февраля по конец мая 1918 г., когда из-за безнадёжного положения на Кавказском фронте Османская империя вышла на позиции, утраченные аж столетием ранее, также сказывалась на планировании и уровне авантюристичности все новых завоевательных планов. Постоянным фактором дальнейшего давления на Армению и Грузию являлось то, что согласно батумским договоренностям под их контролем оставалась часть железных дорог, ведущих к Баку и Тебризу, так что лучшим вариантом для Порты была прямая оккупация коммуникаций на всем протяжении безотносительно предлогов и политического оформления этого. Огромное влияние (часто становящееся предметом различных упрощений в рассмотрении ситуации) на развитие событий оказывала сырьевая значимость Закавказья и прилегающих к нему районов. Причем здесь важна была не только бакинская нефть, но и грузинский марганец, а также эвентуальные поставки и транзит хлопка и различных видов продовольствия, включая рыбу. В имевших жизненно важное значение продовольственных ресурсах региона были заинтересованы все имперские акторы, однако еще более острую нужду в них испытывали местные жители. На перераспределении сильно сказывалось и то, что приоритеты и представления об имеющемся в Закавказье потенциале сильно колебались.

Сложно установить, насколько османский генералитет и лидеры младотурок осознавали кратковременность открывшегося окна возможностей, однако они пытались убедить себя, что ни одна из великих держав-конкурентов, включая Германию, не сможет найти средств для противодействия их экспансии. Недооценивая противодействие и одновременно переоценивая свои силы и истинные симпатии к Порте панисламских и тюркских элементов, с начала июня 1918 г. турки пытались расширить пространство действия Батумских договоров сразу во всех направлениях, проявив редкую для турецких инстанций энергичность. В Турции прекрасно понимали сложность снабжения даже небольших сил в условиях войны сразу на несколько фронтов, а именно такая обстановка ожидала Исламскую армию в Елизаветполе, для налаживания подвоза (а также скрытого саботажа поставок нефти Германии) воинским частям выехал сам генерал-интендант османской армии И. Хакки-паша. Это иллюстрирует важность данного проекта в глазах военной элиты Порты. Командующий Исламской армией Нури-паша создавал войска будущего Азербайджана почти с нуля за счет османских дивизий, но достаточно быстро сумел сделать их сопоставимым противником силам Бакинской коммуны, а затем и добиться

¹⁴ См. ряд материалов: Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 82. Оп. 1. П. 17. Д. 68. Отдельные аспекты отношений Советской России с Арменией и Грузией см. подробнее: *Петросян Г.А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012; *Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики, 1917–1921. М., 2019.

явного преимущества. Таким образом, он смог обеспечить динамику, необходимую для изменения баланса в пользу Османской империи и ее сателлитов, что гарантировало дальнейшую имплементацию Батумских договоров, а то и ее ревизию в пользу Порты, а не наоборот. Угрозу быстро осознали и в столицах закавказских стран, и в Москве и Берлине (возможно, и в Лондоне, менее информированном), а потому последовали контрмеры в том объеме, в каком империи-конкуренты могли себе позволить.

Это быстро усложнило задачи для всех действующих имперских акторов и увеличило многослойность конфликта сразу на нескольких участках складывающейся османской зоны гегемонии. С точки зрения системной логики до некоторой степени совпадали задачи лишь двух основных игроков — Советской России и Германии, ведь обе державы были намерены включить Закавказье, а затем и сопредельные страны в пространство Брестской системы с полной или частичной отменой Батумских договоров.

Никакой конкретной программы переустройства макрорегиона у стран Согласия не было даже в общих чертах, они действовали хаотично, что предопределяло используемые средства. Логика действий османских эмиссаров, где особенно сильным было влияние субъективных факторов и внутриэлитных конфликтов, укладывалась в попытку создать и легитимировать в глазах хотя бы Центральных держав локальную систему международных отношений, всякое воздействие на которую внешних акторов, в том числе лидеров сошедшихся в смертельной схватке коалиций, было бы минимальным. Сама постановка задачи делала очевидной ее практическую невыполнимость даже в более благоприятном с военно-политической точки зрения положении, нежели то катастрофическое состояние, в котором Османская империя находилась задолго до лета 1918 г.¹⁵ Подобные проекты возникали лишь потому, что к началу июня, да и позже, отсутствовали мощные силовые рычаги воздействия на ситуацию в Закавказье и у Берлина, и у Москвы, и у Лондона, однако все стороны их лихорадочно искали, так что условия для османской экспансии должны были неизбежно ухудшиться. Существенного расширения турецких возможностей можно было добиться лишь за счет ресурсов других фронтов, далеко не сразу и при условии масштабного военно-технического содействия не только Германии, но и Австро-Венгрии¹⁶. Данные условия и тенденции были заложены в основу крайне насыщенного событиями и яркого эпизода в истории последней кампании Великой войны, последствия которого сказываются по сей день.

Острый кризис в имплементации Батумских договоров, последствия которого выходили далеко за рамки Закавказья, последовал 9–10 июня, когда под Караклисом и Санаином¹⁷ вспыхнули бои между османскими и германскими соединениями, прикрывавшими южную границу Грузии и станции на железной дороге в Александрополь и Елизаветполь. Кайзеровским офицерам пришлось задействовать все имевшиеся ресурсы, включая добровольцев из бывших офицеров Русской армии (в основном немецкого происхождения), из колонистов и прежде всего из многочисленных военнопленных из Центральных держав, так как иными силами они пока не располагали. Османская попытка явочным порядком установить контроль над грузинской частью железной дороги была отбита.

¹⁵ О катастрофе османской армии и военной экономики см.: *Erickson E.J. Ordered to Die: A History of the Ottoman Army in the First World War.* Greenwood, 2001. Османские фронты в целом пока изучены крайне недостаточно: *Not All Quiet on the Ottoman Fronts: Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918* / eds M. Beşikçi, S. Akşin Somel, A. Toumarkine. Baden-Baden, 2019. Перспективное сравнение крушения Российской и Османской империй в 1908–1918 гг., в том числе с главой об отражении этих процессов на Кавказе в 1918 г.: *Reynolds M.A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918.* Cambridge, 2011.

¹⁶ Австро-Венгрия в эпоху Великой войны оставалась безусловным лидером в оснащении горных частей, и особенно горной артиллерии, столь необходимой для военных действий в альпийских, карпатских (и кавказских) условиях. О ее вкладе в борьбу на османских фронтах см.: *Jung P. Der k.u.k. Wüstenkrieg. Österreich-Ungarn im Vorderen Orient 1915–1918.* Graz, 1992.

¹⁷ Ныне — Ванадзор и Санаин в Армении. Позднее стычки проходили у станции Колагеран (ныне — Дзорагет в Армении).

При столкновении союзных войск были убитые и раненые с обеих сторон и даже пленные. Последовали обвинения немцев в боях против турок даже на стороне армян (!), а не грузин¹⁸. В это же время через Поти в Тифлис срочно отправилась первая часть германского контингента силами едва в 1,5 батальона. Произвольному «редактированию» Батумского договора с Грузией этим был положен предел. Вскоре столь же решительный отпор — и вновь с участием германских солдат — был дан османскому десанту в Абхазии. Периодические вооруженные инциденты продолжались еще несколько недель, так что обвинения и взаимное раздражение в германо-турецком союзе стали постоянным явлением.

Последовал бурный конфликт между германской и османской Ставками, заложниками которого стали начальник штаба у фактического главнокомандующего османской армией И. Энвера-паши генерал-майор Г. фон Сект и в несколько меньшей степени германский посол в Константинополе граф И. фон Бернсторф¹⁹. Он вообще крайне скептически относился к грузинскому проекту, балансируя на грани его дезавуирования в глазах руководства. А.А. Кресс лишь постепенно проникся уверенностью в том, что инициаторы германского протектората (Лоссов и Шуленбург) сильно преувеличили жизнеспособность тифлисского правительства. Бернсторф с самого начала был уверен, что это — авантюра, сопровождавшаяся намеренной дезинформацией ОХЛ, АА и кайзера (Лоссовым) в угоду экспансионистским проектам, ценой которым будет конфликт со столь важным союзником, как Порта. Самый острый за четыре года германо-османский спор между Людендорфом и Энвером состоялся именно в июне в связи с появлением германских войск в Закавказье²⁰, что было воспринято младотурками как вторжение в исключительную зону влияния Турции, как это ранее было и в Персии, и даже в отношениях с арабскими племенами. Бурное взаимное негодование только усилилось в связи с дальнейшими попытками османской экспансии и после недвусмысленного обозначения германской Ставкой границ сфер влияния. Страсти подогрел и австро-венгерский военный уполномоченный в Константинополе Й. Помянковски, придерживавшийся резко антигерманского курса²¹. Шантаж отставкой со своего поста со стороны Энвера и попытки посредничества Секта, Бернсторфа и других германских эмиссаров принципиально ничего не изменили. Османским лидерам пришлось смириться с фактом перехода Грузии в зону германского контроля, что стало лишь первой из уступок на фоне чрезмерных ожиданий экспансии одновременно на север (в Сухум), северо-восток (Грозный и в горный Дагестан), восток (в Баку) и на юго-восток (в Тебриз и далее в глубь Персии, а затем и в Туркестан). Прибытие в Тифлис 24–25 июня германской миссии Кресса фон Крессенштейна, смена главы грузинского правительства (им стал Н. Жордания) и вмешательство Германии в переговоры с лидерами Горской республики обозначили финал первого и наиболее простого для османской стороны этапа имплементации Батумских договоров. Показательно было уже то, что на встрече Кресса и делегатов Болгарии и Австро-Венгрии с новым грузинским премьер-министром было официально заявлено, что Батумский договор (с Грузией, но очевидно и все прочее) рассматривается лишь как предварительный²². Это было важнейшим подтверждением намерения всех союзников Османской империи постепенно вынудить ее к ревизии недавно продиктованных соглашений.

¹⁸ Особенно бурный обмен телеграммами последовал 9–10 июня: РА АА. RZ 201/11047.

¹⁹ Его мемуары отличаются всеми минусами этого жанра, т.е. крайней избирательностью в подборе документов при претензии на точность в изложении хода событий: *Bernstorff J.H. Erinnerungen und Briefe. Zürich, 1936.* Однако иной подборки источников о деятельности этого выдающегося дипломата в Константинополе пока нет, исследователей больше интересует американский этап его карьеры.

²⁰ См., например: *Mühlmann C. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940; Ланчик Л.В. Указ. соч. С. 398–405.*

²¹ См. подробнее: *Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.*

²² См.: *Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein. S. 618–619.*

Убедившись, что время легких успехов миновало, младотурецкое руководство предприняло ряд организационных мер, призванных закрепить приоритет в экспансии в Закавказье, и выделило для этого дополнительные (но все же недостаточные) ресурсы. Это было совмещено с рядом громких отставок и назначений, призванных продемонстрировать Германии, что с ее претензиями считаются. Не желавший отводить войска из занятых сверх батумских границ территорий Вехиб-паша был заменен на Эссада-пашу, его старшего брата, считавшегося более прогермански настроенным. Новый командующий, однако, вовсе не планировал просто выполнить грузинские (т.е. германские) требования, а намерен был объединить в ходе обсуждения условий вопросы о судьбе Сухума и об обеспечении коридора для османских войск в Елизаветполь. Назначение нового командующего позволило младотуркам выиграть время для еще нескольких попыток поставить перед фактом своих союзников, неожиданно положивших предел их распространению в рамках Батумской подсистемы. Резкое недовольство Кресса вызывал и командующий недавно сформированной 9-й армией Якуб-Шевки-паша, одним из весьма амбициозных подчиненных которого был быстро выдвинувшийся в связи с наступлением к Нахичевани генерал Кязым Карабекир. Степень влияния различных группировок изменилась с кончиной в начале июля Мехмеда V. На смену ему пришел молодой Мехмед VI, вокруг которого группировались тайные оппоненты младотурок и вообще прогерманского курса, включая Мустафу Кемалю.

Турецкая сторона не отказалась от экспансии на восток. 27 июня 1918 г. османские войска (не более 2 тыс. штыков) заняли Тебриз, вновь подав надежды ряду племенных лидеров на передел власти и владений в составе Персии или даже при свержении тегеранского правительства. Направление наступления на юго-восток было выбрано еще и потому, что оттуда ожидалась масса бежавших из русского плена османских солдат, рассеявшихся вместе с коллегами по несчастью по всему Закавказью и Персии, с тем чтобы вновь призвать их в войска²³. Серьезную мотивацию к скорейшему усилению Исламской армии давало наступление войск Бакинской коммуны, последние успехи которых пришлись как раз на начало июля. К тому моменту не только в Баку, но и в Москве все еще полагали, что по мере наращивания военной помощи (через Астрахань) большевистско-дашнакскому союзу в обмен на продукцию нефтепромыслов удастся расширить зону влияния Бакинской коммуны. Успехи антибольшевистских сил на Дону и Кубани осложняли связь Советской России с Северным Кавказом и тем более с Закавказьем. Положение в Поволжье и на Урале было для Восточного фронта РККА неутешительным, но к началу июля в Москве продолжали излучать уверенность относительно ближайших перспектив и ожидали быстрой победы над «бандами» — чехословаков, казаков и интервентов. Еще более оптимистично смотрели на ближайшее будущее в кайзеровской Ставке, где — несмотря на острый внутривластный кризис — 2–3 июля обсудили самую широкую программу будущего переустройства мира после победы в Великой войне, ожидавшейся по итогам летней кампании и очередного наступления Э. Людендорфа (с 15 июля)²⁴.

С 5 июля 1918 г. последовал один из острейших кризисов большевистского правительства за всю его раннюю историю. Быстрый разгром левозерского мятежа (позднее ряда восстаний в городах Поволжья, а также устранение М.А. Муравьева) имел важнейшее значение для укрепления власти сторонников Ленина и общей консолидации режима, однако по меньшей мере несколько недель эти позитивные для Совнаркома итоги пережитого в июле потрясения оставались неочевидными. Аргументов в пользу того, что победа большевиков была пирровой, что они будут добыты в ходе следующего мятежа левых эсеров в Москве или по итогам всеобщего восстания против них в ряде других городов, а также благодаря успешному наступлению Народной армии и чехословаков, было достаточно. Германские эмиссары, находившиеся в Москве, и после быстрого и жестокого сокрушения оппозиции продолжали считать

²³ Попытка блокировать их поток и использовать их в целях Центральных держав в Персии была одной из важнейших миссий Данстервиля, которую он ставил себе в заслугу.

²⁴ Решения этого совещания особенно часто используются для демонстрации масштабов германских целей. См., например: *Фишер Ф.* Рынок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017. С. 643–646.

именно так, а потому упорно уверяли Берлин и Спа в необходимости подготовки к скорой ликвидации большевистского правления, чтобы она прошла под контролем прогерманских, а не проантантовских сил²⁵. Издалека перспектива быстрого краха Совнаркома выглядела еще более вероятной, однако это не означало, что такой вариант устраивал других претендентов на передел бывшей Российской империи, в том числе Закавказья.

Внезапное крушение большевиков означало бы полное переформатирование многих направлений внешней политики сразу всех государств и квазигосударственных проектов Восточной Европы и смежных с ней регионов, а потому грозило неуправляемыми последствиями. Это хорошо понимали в правительственных инстанциях Берлина, Вены и Константинополя, но не всегда готовы были признать увлеченные локальной динамикой эмиссары на местах. В июле 1918 г. основные акторы Брестской системы международных отношений не были заинтересованы в активном смещении расстановки сил даже в Закавказье, тем более что дисбаланс в отдельно взятом и даже слабо связанном с другими регионе был невозможен в принципе. Все основные претенденты на гегемонию в макрорегионе испытывали серьезные военные перегрузки на других фронтах, рассчитывали лишь со временем укрепить свои силовые рычаги, для чего требовалось решить ряд транспортных проблем (шансы на это были невелики). Поэтому пока полагались на эффективность дипломатических средств (даже имевшая все основания не желать обсуждения Батумских договоров Порты). Ожидали Константинопольской мирной конференции. Оснований для оптимизма относительно последнего из вариантов решения закавказского клубка проблем было немного: опыт мирных переговоров с Советской Россией, Украиной и Румынией убеждал, что не удастся поддерживать даже видимость внутрикоалиционного согласия Центральных держав. Коренные разногласия между членами Четверного союза возникали уже в определении набора тех, с кем были согласны вести переговоры. Даже Австро-Венгрия полагала, что для допуска делегаций закавказских стран (и тем более Горской республики) им следовало бы доказать свою государственную состоятельность.

Цели Грузии и Армении (очень быстро приславших свои делегации в Константинополь) были очевидны: вплоть до полного отказа от навязанных Батумских договоров. Азербайджан в течение июля едва ли существенно отличался по статусу от Горской республики, ведь не контролировались и предполагаемая столица, и около половины желаемой территории. Порты должна была с уверенностью ожидать мощного давления Болгарии, желавшей очередной компенсации за счет османских владений (во Фракии) в связи с усилением турецких позиций даже в отдаленном от нее регионе. Это гарантировало — при вполне системных к тому закономерностях — складывание трансрегионального, циркумпонтийского клубка проблем, к которому добавились бы назревшие ранее: крымский вопрос, судьба остатков Черноморского флота, споры о Добрудже и о месте Румынии в условиях победы Центральных держав на Восточном фронте. Поэтому крах любых усилий по балансировке в пределах лишь Закавказья только на пространстве Батумской подсистемы был предreshen.

По разным причинам все имперские участники предполагаемой конференции желали бы переноса ее начала или предварительной координации позиций с потенциальными партнерами на дебатах. Последний вариант имели в виду большевики, собиравшиеся направить в столицу Порты Г.Я. Сокольников прямым из Берлина, где он с июня участвовал в советско-германских переговорах. Немедленное начало дебатов в Константинополе было выгодно разве что эриванскому правительству, которое имело все основания полагать, что терять ему нечего, а степень гуманитарной катастрофы из-за сотен тысяч беженцев на контролируемой им территории около 10 тыс. кв.км была такова, что более всего время работало именно против Армении. Отчаянная ситуация вынуждала к насилию, толкала на формирование националистических банд, провоцировавших все новые столкновения и с османскими войсками, и с соседним мусульманским населением. Не было сомнений, что если пошедшее на крайне непопулярный «протурецкий» курс правительство в ближайшее время не добьется хотя бы

²⁵ См., например: Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972 (2008). S. 716–732.

минимального успеха, заручившись поддержкой Германии и обеспечив хотя бы частичное возвращение изгнанных в Восточную Армению или их распределение за пределами досягаемости османских войск, то последует быстрый переход власти к продолжавшему войну в Карабахе и Зангезуре генералу Андранику. Это полностью дестабилизировало бы обстановку в Закавказье, а допустить этого не собирались ни в Москве, ни в Берлине, так что в обеих столицах прислушивались к обращениям пока не имеющих официального статуса армянских эмиссаров (А.О. Оганджяна и Я.Х. Завриева). Восстание в Армении и разрыв Батумского договора поддержали бы, если бы имели к тому средства, британские эмиссары. Однако последние были крайне далеко, в лучшем случае принимая в Месопотамии и Персии беженцев и поддерживая повстанцев в Урмии. Поэтому в Эривани выбрали более реальный вариант: апелляция к Германии, которая должна была пресечь недовольство Порты и прочно закрепиться в Грузии.

Более маневренную позицию на будущих переговорах могли иметь тифлиссские делегаты. Однако и Грузия балансировала на грани крупных осложнений из-за упорного блокирования османских железнодорожных перевозок в связи со столь же настойчивым отказом турецкого генералитета вывести войска в пределы батумских границ (освободив Натанеби, Абастумани и Ахцур²⁶ и ряд других пунктов), что следовало понимать как подготовку к будущему пересмотру и без того крайне выгодных Порте договоров от 4 июня. В первую очередь это коснулось бы судьбы Ахалциха и Ахалкалаков, также прочно занятых турецкими войсками. В Тифлисе рассчитывали на закрепление германского протектората над страной, расширение сети германских гарнизонов ради подавления многочисленных восстаний (включая осетинское) и для этого игнорировали в лучшем случае сдержанное отношение большей части населения к новым покровителям. Устойчивость контроля над основной территорией страны оставляла желать лучшего. Социальная обстановка была крайне напряженной (из-за дефицита продовольствия), а материалом для быстрого подрыва минимальной стабильности могли выступать провоцируемые большевистским подпольем многочисленные дезертиры и бывшие солдаты распавшегося Кавказского фронта, многие из которых не имели к Грузии никакого отношения. Опасность исходила и от офицерства имперской ориентации, считавшегося поэтому «великорусским». Меры к его вербовке и отправке в антибольшевистские силы (на Дон, например) вполне поддерживались германской миссией, стремившейся предотвратить реинтеграцию Российской империи, при всей симпатии к Белому движению. Сказывалось и устойчивее недоверие германских военных к любым социал-демократам, особенно к меньшевикам, явно солидаризовавшимся со многими позициями СДПГ. Более всего в Н. Жордании, Н. Рамишвили, Н. Чхеидзе и других лидерах Грузии главу германской делегации не устраивала их склонность к «утопиям», непрофессионализм в государственном управлении и упорное стремление сохранить демократические начала в вооруженных силах (Национальной гвардии). В ответ глава германской делегации шантажировал грузинское правительство затяжками в предоставлении займа и поставках оружия и продовольствия. Доходило до слухов о возможности монархического переворота в Тифлисе по образцу гетманского в Киеве. Хватало подозрений в вездесущих (теперь на базе Владикавказ) интригах Антанты, которые распространялись якобы даже на лидеров младотурок, прежде всего на А. Джемалю-пашу²⁷.

²⁶ Ныне – территория Грузии.

²⁷ И, видимо, безосновательно, хотя лояльность Джемалю к Германии оставляла желать много лучшего по сравнению с таковой и у М. Талаата, и тем более у Энвера. Сюжет тайного зондирования различных младотурецких политиков со стороны Антанты до сих пор должным образом не разработан, хотя привлекает публицистов и историков спецслужб. См., например: *Hopkirk P. On secret service east of Constantinople. The plot to bring down the British Empire. London, 1994.* К сожалению, сохраняется до сих пор и дефицит академических биографий младотурецких лидеров, а в новейших работах доминирует тема причастности их к военным преступлениям, что оставляет за кадром слишком много иных важнейших военно-политических сюжетов. См., например: *Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.*

В правительстве Жордании были готовы к различным взаимовыгодным сделкам, в том числе с проосманскими силами, включая Горскую республику (если она откажется от претензий на Абхазию или согласится на федеративное объединение) и Азербайджан (если он уступит спорные территории и сможет остановить наступление общего врага — большевиков из Бакинской коммуны). Азербайджанскому правительству оставалось надеяться на военные успехи Нури-паши, которые вскоре и последовали, однако и после них при продолжении пребывания в Гяндже (как стали называть Елизаветполь) до статуса состоявшегося государственного проекта было очень далеко. Критически важен был компромисс между Азербайджаном и Грузией по территориальным вопросам, а он в свою очередь был тесно увязан с османо-грузинскими спорами о южной границе германского сателлита и о судьбе Абхазии. Лишь постепенно Крессу удалось заставить османских генералов очистить часть занятой сверх батумских границ территории, а затем и разблокировать компромисс между Гянджой и Тифлисом по вопросу о принадлежности Закатальского округа, открывавшего дорогу к поставкам оружия в Чечню и Дагестан. Полное урегулирование этого вопроса стало возможным в 1919 г., когда присутствие Центральных держав в Закавказье было уже ликвидировано, однако началу этому процессу удалось положить еще в рамках Батумской подсистемы. Шансы на аналогичные, хотя бы частичные, успехи в грузино-армянском разграничении были куда ниже²⁸.

Динамику развития подсистемы отражал неуклонный рост воздействия на нее импульсов из соседних регионов и из-за пределов первоначально намеченного ее пространства. В первую очередь это касается драматических перипетий борьбы в Поволжье, особенно за Царицын и Астрахань, острого кризиса Восточного фронта РККА и потери им после мятежа Муравьева Симбирска, а также нарастающей эскалации борьбы за Туркестан, где все более действенным оказывалось влияние британцев и тех политических сил, что смогли добиться их поддержки материальными ресурсами, а затем и прямым вмешательством в боевые действия²⁹. Со временем активные боевые действия сказывались даже на отдаленных регионах все ошутимее, что гарантировало оживление военных операций разных сторон многослойного конфликта в Закавказье. С уверенностью следовало прогнозировать активизацию после некоторого затишья большевистского подполья в Грузии, а затем и на соседних с ней территориях, а также дальнейшее усложнение структуры конфликта в Дагестане и Чечне. Османская военная помощь пока не смогла обрести устойчивые объемы, а локальные вспышки насилия уже неуклонно вписывались в контекст решающей схватки за судьбу Северного Кавказа, которая обозначилась после взятия Добровольческой армией узловой станции Тихорецкая 14–15 июля. Обрыв последних связей с Царицыном стал началом конца первой версии советской Кубани, однако до определения исхода кампании было еще очень далеко. Наконец, пытались усилить активность и антантовские эмиссары во Владикавказе и Царицыне³⁰. У германских дипломатов и военных были некоторые основания полагать, что опцию переговоров со странами Соглашения сохраняют не только армянские, но и грузинские и даже азербайджанские политики.

Весьма относительное затишье в июле было непрочным не только из-за дефицита сил у воюющих сторон для реализации амбициозных задач, но и из-за грубой недооценки либо слабой осведомленности относительно противника. В надежде быстро захватить желаемые позиции, пользуясь прежним вакуумом власти, предпринимались попытки наступления. Однако таких возможностей становилось все меньше, военно-политическое пространство

²⁸ Специальное исследование, к сожалению, не вполне академического уровня, но пока не имеющее альтернативы: *Андерсен А., Парцхаладзе Г.* Армяно-грузинская война 1918 г. и армяно-грузинский территориальный вопрос в XX в. // URL: <https://www.academia.edu/10382254> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁹ См. подробнее: *Улуния А.А.* Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019; *Сергеев Е.Ю.* Центральная Азия в советской и британской стратегии в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 1 (66). С. 122–134.

³⁰ Взаимодействие с антантовскими эмиссарами ради оказания помощи «красному» Баку поддерживали и агенты Белого движения в РККА. См., например: *Носович А.Л.* Белый агент в Красной армии. Воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. СПб., 2021.

становилось все более насыщенным, а потому легкие успехи сменялись болезненными неудачами, которые для местных акторов, лишенных устойчивой дипломатической и военной поддержки извне региона, могли стать роковыми. Именно поэтому до начала массовой османской, но и германской помощи и даже в благоприятных условиях антисоветских восстаний казачества и офицерских отрядов, а также отдельных этнических группировок так и не смогли сколько-нибудь серьезно вмешаться в борьбу за Владикавказ лидеры Горской республики, оставаясь правительством, действующим только в изгнании³¹. Динамику борьбы на локальном уровне, которая пока воспринималась как не вполне определенная и потому подающаяся быстрому изменению и с минимальными затратами, могли изменить демонстрация помощи извне, например прибытие германского эмирата, которое Кресс планировал, но так и не осуществил³², или хотя бы официальное заявление об этом. По этим же причинам вынужден был именно в июле спешно солидаризоваться с Бакинской коммуной и РСФСР генерал Андраник. Благодаря тем же факторам оказались крайне тяжелыми последствия для большевиков и дашнаков в Баку неудачи под Кюрдамиром и наступление до этого вовсе не учитываемой должным образом Исламской армии, которая за две недели поставила в критическое положение претендентов на господство во всем Закавказье, уверенных в массовой поддержке Москвы и благожелательном нейтралитете британцев.

Миссия Кресса не без труда освоилась с непростой социально-политической обстановкой в Грузии, в чем помог большой авторитет у местных политиков одного из создателей новой государственности Шуленбурга. Постепенно нарастающая прямая германская военная поддержка (нередко принимавшая формы, схожие с оккупацией) гарантировала устойчивый контроль тифлисскому правительству над основной территорией и подкрепила некоторые территориальные амбиции (в Абхазии и Черноморской губернии), ведь здесь интересы Грузии совпадали с куда более масштабными целями гегемона Брестской системы. Для ее расширения и консолидации крайне важно было налаживание дополнительных связей с Севастополем через созданный в середине—конце июня германский плацдарм на Тамани и в Новороссийске, на его рейде уже не раз демонстрировали флаг германо-турецкие ВМС. Грузинские войска 27 июля заняли Туапсе³³, что открывало дорогу на богатый нефтью Майкоп, к использованию потенциала которого уже имелись инфраструктурные предпосылки. Вопросы организации, связи, транспорта и размещения даже немногочисленных пока кайзеровских войск были не решены, однако оформление базы для расширения германской сферы влияния считалось в целом окончанным. Острые социально-экономические проблемы Грузии — нехватка зерна, тканей, топлива после обрыва поставок из Баку мазута и прекращения работы керосинопровода — постоянно упоминались в отчетах в АА и ОХЛ, однако никаких существенных мер поддержки Кайзеррейх оказать не мог, хотя пытался намекнуть на такие перспективы³⁴. Все сильнее сказывалось стремление Германии отслеживать критически важные потоки обмена

³¹ Поэтому даже статус *failed state* применительно к Горской республике, по крайней мере в 1918 г., выглядит преувеличением, хотя националистическая историография не всегда согласна и с такой оценкой: *Вачагаев М.М.* Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства 1917–1920. М., 2018.

³² Он собирался отправить во Владикавказ, как только он будет отбит у проантантовских (или считавшихся таковыми) сил, т.е. терских казаков и белых партизан, офицера Цугмайера: *Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein*. S. 665–666.

³³ Об обстановке в Черноморской губернии см.: *Воронович Н.* Меж двух огней (записки зеленого) // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 53–183, 321–334.

³⁴ Так, 8 августа Кресс телеграфировал в АА и ОХЛ, что грузинское правительство просит украинские власти позволить закупки зерна, для чего будут направлены представители, но глава германской миссии постоянно разъяснял, что весь вывоз зерна с Украины ведется согласно договоренностям с Центральными державами (да еще и не выполненными даже приблизительно), так что он готов способствовать выделению зерна для Грузии из запасов Кайзеррейха (3 тыс. т), но прямые закупки фактически запрещал. См. подробнее: *PA AA. RZ 201/11138/77–78.* Об экономической эксплуатации потенциала Украины в 1918 г.: *Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.

сырьем и продовольствием, а тем более оружием, для прочного контроля за балансом сил на всем пространстве Брестской системы, теперь включая и Закавказье. Все более очевидное проявление германских притязаний и неизбежные последствия оккупационной политики гарантировали будущие конфликты между населением Грузии, а затем и ее социал-демократическим правительством и военными, «спасителями». Для того, чтобы они разразились, было бы достаточно начала имплементации (с 1 октября) серии соглашений об экономической эксплуатации (подписаны 12 июля), выработанных в Берлине делегацией А. Чхенкели и чинами АА и обеспечивавших в лучшем случае полукOLONиальный статус Грузии в рамках Брестской системы. Это не вполне осознавалось обеими сторонами. Если по завершении Великой войны Европа окажется в патовой ситуации, т.е. сохранится противостояние между англосаксонскими талассократиями и их союзниками и добившейся континентальной гегемонии Германией, то лишенный колоний Кайзеррейх неизбежно перешел бы к колониальной модели освоения пространств в своей новой сфере влияния.

Сравнительно успешное закрепление в Грузии интенсифицировало политику Кресса по установлению контактов, а затем и возможного протектората (в том числе австро-венгерского) над Арменией, что неизбежно привело бы к новым сложным переговорам с османским генералитетом вокруг последствий такого варианта. Было очевидно, что в Вене и Берлине не позволят ликвидировать армянскую государственность, даже отказывая ей в официальном признании, зато поспособствуют формированию армяно-грузинской унии, как более жизнеспособной в полном окружении из Османской империи и ее будущих мусульманских сателлитов³⁵. Вслед за формированием, обучением и вооружением грузинской армии должно было последовать наращивание военной помощи Армении (при строгом исключении проантантовской части лидеров). Предполагалось переориентировать на Германию лидеров Горской республики или иных представителей этносов Северного Кавказа, пресекая панисламистские настроения ради будущей сплошной зоны влияния Кайзеррейха. Будущие войска горских активистов должны были подпитываться через германского эмиссара в Новочеркасске при атамане П.Н. Краснове (прибывшим в начале июля) майора Ф. фон Кохенгаузена. В случае успехов Добровольческой армии германские эмиссары на местах не теряли надежды на успешные переговоры о прагматическом взаимодействии с генералом Алексеевым, хотя сложность этого контрагента постоянно недооценивалась. При реализации германской программы пространство Брестской системы должно было вскоре сомкнуться с зоной официального действия Батумских договоров и затем быстро деформировать их для более устойчивой и комфортной для гегемона расстановки сил и акторов по обе стороны Кавказского хребта.

Вопрос о дипломатическом признании Берлином новых государств не был первостепенным, ведь даже первый шаг в этом направлении в отношении Грузии, заявленный Р. фон Кюльманом 24 июня, еще предстояло согласовать (что было чрезвычайно сложно) с РСФСР как безальтернативным, при всех его неудобствах, партнером Кайзеррейха по Брестскому переустройству постимперских пространств. В Германии и при более простой внутривнутриполитической ситуации, а она как раз с 24–25 июня после прений в рейхстаге вокруг речи Кюльмана резко обострилась, крайне настороженно относились к любым обязательствам в отношении тех или иных малых государств. После непростого утверждения в середине июля нового главы германской дипломатии П. фон Хинтце с Вильгельмштрассе было заявлено, что признание закавказских стран (даже Грузии, уже не *de facto*, а *de jure*) последует только при признании их Советской Россией, ведь этого требовало согласование Добавочного договора, начатое еще в июне, но пока без должной интенсивности.

В АА и ОХЛ могли с уверенностью рассчитывать, что удастся без излишних осложнений уклониться от попыток Порты добиться официального признания всех подписантов Батумских договоров, что стало бы важным шагом по закреплению и самих этих соглашений

³⁵ Впервые эта мысль была высказана уже в первом отчете в АА Кресса фон Крессенштейна из Константинополя (18 июня 1918 г.), т.е. даже до его прибытия в Закавказье: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein. S. 613.

в общекоалиционном пространстве Центральных держав. Поездка главы германской миссии в Грузию в Эривань, состоявшаяся в последних числах июля, вызвала недовольство младотурок, но заблокировать ее они были не в силах. По опыту Крыма³⁶ можно было предположить, что германским эмиссарам удастся предотвратить формирование и других османских сателлитов, т.е. Азербайджана и Горской республики, по крайней мере до тех пор, пока их лидеры не выкажут желания переориентироваться на указания из Берлина. Готовность к этому была заявлена эмиссарами последней еще в Батуме Лоссову, а вот контакты с азербайджанским правительством (в Гяндже) предстояло установить, что было затруднительно на фоне плотного контроля над ним Нури-паши. По-видимому, не возражали против установления собственных контактов с германскими эмиссарами и в правительстве Фатали-хана Хойского, однако рисковать и тем самым вызвать недовольство младотурецких покровителей не предполагалось по меньшей мере до тех пор, пока Германия не будет в силах предложить альтернативный источник решения первичных проблем азербайджанской государственности.

Позиция большевиков в отношении всех подписантов Батумских договоров оставалась непримиримой: с «шутовскими республиками» не собирались иметь дело даже *de facto*³⁷. Вероятность того, что Германия будет настаивать на признании хотя бы грузинской государственности — особенно после заявлений Кюльмана в рейхстаге 24 июня, — была весьма высока, так что определить цену вынужденного признания тифлисского правительства предстояло на стартовавших в Берлине переговорах о параметрах будущего Добавочного договора. К концу июля в советско-германских отношениях был накоплен изрядный опыт преодоления острейших кризисов, окончившихся — к удивлению и негодованию не только антибольшевистских сил, но и многих германских эмиссаров на местах — сохранением и даже укреплением связей РСФСР и Кайзеррейха. Разрешение, пусть и разного уровня и качества, кризисов вокруг судьбы Черноморского флота, ряда вооруженных столкновений на демаркационной линии, прямой военной помощи (или подозрений в этом) Германии восставшему казачеству, убийства графа Мирбаха, требования ввода германских войск в Москву и, наконец, вокруг расправы над Николаем II³⁸ позволяло надеяться на конструктивный ход переговоров о новой советско-германской сделке — о Добавочном договоре.

Признание Москвой независимости Тифлиса было на повестке дня, однако продать его Совнарком намеревался подороже: как минимум за признание советской сферой влияния всего остального Закавказья, с последующим «правомерным» (т.е. с молчаливого германского согласия) и явно силовым вытеснением оттуда любых проосманских сил. До соответствующих сделок с Германией для Советской России были бы вполне приемлемы минимально необходимые контакты с тифлиским правительством через посредничество германского посла в Москве или через полпредство в Берлине. С правительствами в Эривани или Гяндже были готовы вести даже неофициальные консультации только о признании ими хотя бы номинальной власти над собой Совнаркома.

В июле складывание Батумской подсистемы международных отношений продолжалось, хотя решение принципиального вопроса о ее совместимости с Брестской системой и условиях

³⁶ Еще в мае германским ведомств удалось заблокировать оформление его независимости Портой, а к концу июня — попытку формирования там правительства, ориентирующегося исключительно на Константинополь, где укрывались от «банд большевиков» потенциальные лидеры этого крымского проекта. О складывании позиции Германии в отношении Крыма вплоть до формирования правительства генерала М. Сулькевича см.: РА АА. RZ 201/11132.

³⁷ Весьма характерно, что именно так Чичерин выражался в телеграмме Иоффе даже 21 сентября (см.: АВР РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 17. Д. 68. Л. 52), уже после подписания Добавочного договора, где с огромным трудом удалось найти формулу, лишь до некоторой степени скрывающую согласие РСФСР на признание Грузии со стороны Германии, а значит и неизбежное начало контактов с тифлиским правительством и со стороны Москвы в рамках имплементации этого договора. До подписания Добавочного договора позиция Совнаркома относительно и Грузии, и тем более других закавказских и северокавказских государственных проектов была еще более категоричной.

³⁸ О судьбе его семьи вплоть до поздней осени надежной информации у германской стороны не было, что недооценивается богатой историографией данной трагедии.

ее окончательного вхождения в глобальный порядок на основе германской континентальной гегемонии откладывалось из-за накопления сил всеми основными претендентами на переформатирование Закавказья. Основные пожелания к оформлению будущей победы в Великой войне были зафиксированы в ходе совещаний в германской Ставке 2–3 июля. Этот компромисс был достигнут, несмотря на острый кризис вокруг Кюльмана, и потом еще долгое время рассматривался как базовые указания по политике Кайзеррейха на Востоке, хотя разногласия между различными ведомствами быстро сделали ссылки на решения в Спа лишь *ultima ratio*, а должной координации действий даже за счет санкционированных кайзером указаний обеспечено не было, что весьма характерно для финальной стадии развития вильгельмовского режима³⁹. Накопившиеся за три-четыре недели изменения в расстановке сил понуждали основные державы в регионе к активным шагам, хотя предпринять для этого действительно чрезвычайные усилия они не могли или (за исключением Османской империи) не стремились.

Очень трудно было согласовать баланс сил между Кайзеррейхом, его сателлитами и Советской Россией. Переговоры пошли успешнее после того, как руководить их процессом стал новый глава германской дипломатии П. фон Хинтце. Со второй половины июля он последовательно, успешно воздействуя на ОХЛ, добился отказа от новых военных проектов на Востоке и сворачивания вышедшей на новый уровень поддержки атамана Краснова на Дону и планов по налаживанию аналогичных контактов с Кубанской радой, а то и с генералом Алексеевым. В результате дискуссий в германской Ставке вокруг проекта Добавочного договора – статья 3-я которого обязывала Германию не вмешиваться в отношения России с ее частями (запрещала поддержку сепаратистских проектов) – в конце июля военных удалось убедить в том, что глобальная сделка с большевиками выгоднее сомнительных и затратных авантюр, а результатом нового соглашения будет полное сохранение германских позиций в Грузии и получение крупных компенсаций за германскую собственность в РСФСР. С 27 июля переговоры в Берлине между членами советской делегации и чиновниками АА (во главе с Й. Криге) вышли на решающий этап, так что обе стороны ожидали достижения компромисса чуть ли не в течение недели. Этому не смогли помешать ни разногласия большевистских представителей (А.А. Иоффе и Л.Б. Красина, с одной стороны, и Ю. Ларина и Г.Я. Сокольников – с другой)⁴⁰, ни непростые отношения среди германских дипломатов. Серия очередных дестабилизирующих обстановку событий на просторах бывшей Российской империи быстро ликвидировала эти иллюзии.

При поддержке графа И. фон Бернсторфа и Г. фон Секта, не раз призывавших АА и ОХЛ к уступкам союзнику, младотурецкие лидеры надеялись откладывать начало Константинопольской конференции до тех пор, пока не сложатся благоприятные обстоятельства для предъявления своих условий, как минимум не будет решена бакинская проблема. Понимая, что главное – урегулировать разногласия с Германией в неизбежном разделе Закавказья, лидеры младотурок Талаат и Энвер демонстрировали стремление заключить особую военную конвенцию с Кайзеррейхом, а только после этого перейти к переговорам с сателлитами. Требование остановить наступление на Баку было фактически саботировано. Не подозревая об истинных масштабах строптивости считавшегося германофобом Нури-паши⁴¹, германские инстанции были уверены, что смогут выработать сложный тройственный компромисс между

³⁹ Это хорошо просматривается на материалах мемуаров и военных и дипломатических архивов как опубликованных, так и пока ожидающих этого. Общую атмосферу придворной камарильи вокруг кайзера см.: Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918 / Hrsg. von H. Afferbach. München, 2005; Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / Hrsg. von M. Epkenhans, G.P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin, 2019.

⁴⁰ См. материалы длительных дискуссий между советскими эмиссарами на переговорах в Берлине: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 16. Д. 63.

⁴¹ В конце июля тщето ездил уговаривать Нури быть лояльным обязательствам по Баку его старый знакомый подполковник Павлас, который убедился, что Исламская армия будет непременно штурмовать нефтепромыслы: *Bihl W.* Op. cit. S. 167, 251–252.

Москвой, Берлином и Константинополем, причем базовыми его условиями становились: признание РСФСР Грузии хотя бы *de facto*, отвод Исламской армии из Бакинского уезда и его окрестностей — т.е. раздел так и не оформившегося Азербайджана и сохранение Баку за большевиками в обмен на гарантию в доле поставок нефти для Центральных держав, с особыми интересами в этом Германии, — а затем начало Константинопольской конференции.

Турецкая сторона подавала сигналы о готовности к сделке с Германией, правда только там, где кайзеровской миссии уже удалось продемонстрировать свои возможности — в пределах Грузии, но не Армении и тем более не Азербайджана. К совместной разработке нефтепромыслов младотурки были готовы, однако намеревались сохранить контроль над Баку только за собой. Основным методом «убеждения» партнера по-прежнему оставалась политика *fait accompli*. Надежд на сохранение за Турцией всех результатов продиктованного 4 июня в Батуме переустройства Закавказья уже не питали. Важным признаком психологической готовности к частичной ревизии Батумских договоров стало то, что османская сторона интенсифицировала и быстро провела формальные действия по полному оформлению брестских своих приобретений: плебисцит (14 июля), крайне далекий от репрезентативности, а затем и торжественное возвращение трех санджаков в состав Порты (15 августа), более чем через 40 лет⁴². Это было сигналом к тому, что по меньшей мере Брестский договор младотурки намерены использовать в свою пользу безусловно, уже не дожидаясь признания последующей более масштабной «батумской» сферы экспансии.

В конце июля накопившееся «напряжение» в развитии Батумской подсистемы стало все яснее проявляться с каждым днем. Наиболее заметным, но далеко не единственным оказался кризис вокруг штурма Баку. Он был естественным следствием успехов Исламской армии в боях с войсками Бакинской коммуны, в результате которых во второй половине июля уже был поставлен вопрос о контроле над городом. Явная неспособность Советской России оказать достаточную для обороны военную поддержку показывала, что в межимперской конкуренции за Азербайджан РСФСР пока уступает Османской империи, в то время как Германия и Великобритания обладают возможностью вмешаться лишь с помощью косвенного давления и содействия ориентирующимся на них вооруженным группировкам. Напряжение в боях за Поволжье между РККА и коалицией антибольшевистских сил, причем как проантантовских, так и прогерманских (т.е. донских казаков Краснова), в течение июля достигло предельного уровня. Утрата Царицына и/или Астрахани означала бы полную блокаду очага «советской» (а в действительности коалиционной, с дашнаками и Л.Ф. Бичераховым) власти в Баку, аналогичную участи, что постигла к июлю и советские органы в Туркестане. Но события в Туркестане не угрожали устойчивости власти Совнаркома. Последствия же потери Баку для военно-стратегического положения Советской России сказались бы немедленно и радикально. Прекращение интенсивных поставок топлива через Астрахань парализовало бы часть военного потенциала РСФСР, а к середине осени следовало ожидать гуманитарного коллапса в обеих столицах.

Недовольство дееспособностью большевиков назревало в Баку во многих слоях населения⁴³, ведь уровень жизни падал даже быстрее уменьшения нефтедобычи⁴⁴. Конфликт комиссаров и с Грузией, и с османским сателлитом Азербайджаном, и с повстанцами

⁴² Одно из немногих подробных описаний: *Bihl W.* Op. cit. S. 245–251. О нюансах трансформации региона после распада империй см.: *Маилян Б.В.* Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918–1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129–161.

⁴³ Чего, разумеется, вовсе не признавала советская историография, настаивавшая на полной поддержке пролетариатом именно большевиков, но не любых других группировок, включая дашнаков, что иллюстрировалось соответствующей подборкой документов. См., например: *Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг.* / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957.

⁴⁴ См. подробнее: *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999. С. 79–102.

в Дагестане и Чечне, также получавшими эпизодическую помощь от Порты, отрезал нефтепромыслы от всех каналов взаимовыгодного обмена продукцией (и получения военной помощи) с внешним миром. Оставался только морской путь, выбор из двух одинаково неоптимальных вариантов: поставки в Астрахань для РСФСР или в Энзели, где британцы еще не вполне закрепились, да и организовать оттуда действительно существенную поддержку даже в обмен на нефть не могли. Даже в случае успешного взаимодействия с генералом Андриаником, а то и с эриванским правительством, дальнейшие конфликты и распад бакинской коалиции был неизбежен. Разграничение на территориях Эриванской, Елизаветпольской и Бакинской губерний по этническому признаку было невозможно, по крайней мере без массовых насильственных миграций и трудных компромиссов. Все проекты арбитража, причем даже не германского, а нейтральных держав (скандинавских стран, чьи консулы находились в Баку), были демонстративным, но едва ли реалистичным предложением по решению проблемы границ. В этом убедился (даже не побывав восточнее Гянджи) Кресс, однако его мнение о необходимости проведения не этнических, а чисто прагматических (продиктованных рельефом и инфраструктурой) границ ни одна из местных элит учитывать не желала. Для армянских политиков даже смешанное германо-большевистское «соседство» было предпочтительнее османского. Возникало даже типичное в таких случаях предложение об устройстве в важнейшем городе региона порто-франко.

Еще не зная о реорганизации власти в Баку и о его переходе под открытый британский протекторат, Кресс сделал важный шаг к распространению германской зоны влияния поверх (а затем и вместо) османской. 30 июля вместе с главой австро-венгерской миссии в Грузии Франкенштейном он выехал в Эривань, где смог провести лишь менее суток, хотя дорога в одну сторону из Тифлиса потребовала 22 часов (при расстоянии в 200–250 км, в зависимости от пути)! Установив первичные контакты, он вынужден был срочно вернуться из-за грузино-азербайджанского конфликта, но оставил в столице Армении уже проявившего себя в заботах об армянских беженцах-«единоверцах» Франкенштейна, что означало дополнительную гарантию будущего покровительства. Впечатление у Кресса от поездки сложилось позитивное, в том числе от армянских войск во главе с генералом Ф.И. Назарбековым⁴⁵. Вернуться к развитию этого проекта Кресс смог далеко не сразу, однако сделал это при первой возможности. Минимальным условием для дальнейших шагов было продвижение германо-грузинской линии разграничения с османскими войсками до Александрополя, что открывало Армении путь к черноморским портам (и к прибытию будущих оккупационных войск), но одновременно перерезало все коммуникации Исламской армии с Османской империей. Грузино-армянский конфликт в Джавахетии и вдоль всей северной границы Армении в связи с турецкой угрозой в Эривани было решено пока проигнорировать. Кресс последовательно стремился к расширению грузинской территории вне учета этнографической статистики (столь важной в спорах лимитрофов, но часто фальсифицируемой или неактуальной)⁴⁶, видя в этом условие к стабилизации германского плацдарма.

Нестабильные и часто недостоверные известия о ситуации на фронтах Гражданской войны усиливали в Баку впечатление грядущего краха Совнаркома. Поэтому к 25 июля партнеры большевиков по управлению коммуной сочли более надежным вариантом британскую помощь, хотя о реальном ее потенциале и, главное, сроках прибытия точных сведений не имели. Слухи о наличии символических британских сил на нефтепромыслах ходили давно, вызывая обеспокоенность у германских инстанций, но только теперь, в конце июля, последовала открытая интервенция, причем именно символическая. Ее ускорили действия Бичерахова, отправившегося в Баку лишь после долгих переговоров с Данстервилем, который стал архитектором сложного компромисса интересов на основе поставок нефти в Энзели в обмен на оружие и машины. Очень скоро полковник Бичерахов спровоцировал раскол и без того

⁴⁵ См. подробнее: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein. S. 652–654.

⁴⁶ Ведь часто пользовались результатами Всероссийской переписи 1897 г., которые, спустя 20 лет активного роста и еще более активного перемещения населения, были не релевантны.

разобщенных коалиционных вооруженных сил. Коалиция окончательно распалась после серии поражений от Исламской армии. Председателя Бакинского СНК С.Г. Шаумяна постигла неудача в попытках убедить Совет в перспективности дальнейшей ориентации только на Москву. Находившийся в постоянных разъездах Данстервиль узнал о призывах о помощи от лидеров Бакинской коммуны (включая, по-видимому, некоторых большевиков) в Казвине, куда он едва успел вернуться после срочной поездки в Багдад (почти 1000 км в одну сторону) накануне. Решение о внезапном вмешательстве в схватку за Баку было принято только 28–31 июля, хотя он давно ожидал известий от своего протеже Бичерахова. Тот как раз накануне пошел ва-банк, выведя свои войска с фронта против Исламской армии, что резко ускорило развитие событий, в том числе активизацию британского вмешательства⁴⁷. Однако она была явно вынужденной. Отъезд Бичерахова из занятого лишь в середине июня Энзели, оставшегося без прочной власти после окончания эвакуации русских войск, серьезно ослабил возможности британцев по противодействию джангалийским повстанцам Кучек-хана (советником которого был германский генштабист Г. фон Паашен). В 20-х числах июля они попытались захватить Решт, что еще раз продемонстрировало шаткость контроля британцев над северной Персией. Переговоры с джангалийцами ничего не дали, они по-прежнему грозили отрезать британцев от выхода к Каспию, так что Данстервиль был далек от мысли о быстром рывке на север, хотя уже имел в виду плацдарм в Красноводске. В Энзели он перебрался лишь 4 августа. После срочного обращения за помощью из Баку британцы смогли направить туда лишь полковника К. Стоукса и 44 (!) солдат, прибывших 31 июля. Нарращивание британского контингента шло столь медленно, что, несмотря на господство лояльных англичанам ВМС в акватории, компенсировать бойкот большевистскими войсками дальнейшей обороны Баку, а также неоднозначную позицию Бичерахова новые союзники Центрокаспия не могли. Пока еще смутные известия о переменах в Баку спровоцировали флуктуацию в общем развитии кампании, так что в ближайшие дни должно было определиться, останется ли британская демонстрация на нефтепромыслах лишь эпизодом и катализатором или приведет к переходу межимперской конкуренции в иную, более сложную конфигурацию. Очередной этап развития Батумской подсистемы завершился, сменившись кульминацией кризиса вокруг Баку, вернувшей регион – по меньшей мере на полтора месяца – в пространство прямого, а не опосредованного столкновения Антанты и Центральных держав.

Библиография

- Андерсен А., Парцхаладзе Г.* Армяно-грузинская война 1918 г. и армяно-грузинский территориальный вопрос в XX в. // URL: <https://www.academia.edu/10382254> (дата обращения: 01.02.2022).
- Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011.
- Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957.
- Вачагаев М.М.* Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства 1917–1920. М., 2018.
- Воронович Н.* Меж двух огней (записки зеленого) // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 53–183.
- Гайдар Баммат – известный и неизвестный. Сб. документов и материалов / сост. Х.М. Доного. Баку, 2015.
- Денстервиль.* Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.
- Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999.
- Ланник Л.В.* После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

⁴⁷ Контакты между ними были установлены в начале февраля, однако не отличались должной конструктивностью, хотя они друг другу были многим обязаны, учитывая скромные ресурсы обоих. Едва ли перспективнее складывались отношения и с великим князем Дмитрием Павловичем: *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011. С. 40–64; *Денстервиль.* Указ. соч. С. 134–136, 146–149, 163–165.

- Лишин Н.Н.* На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.
- Лудишувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны. М., 1966.
- Маилян Б.В.* Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918–1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129–161.
- Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5–22.
- Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики, 1917–1921. М., 2019.
- Носович А.Л.* Белый агент в Красной армии. Воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. СПб., 2021.
- Петросян Г.А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012.
- Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.
- Сергеев Е.Ю.* Центральная Азия в советской и британской стратегии в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 1 (66). С. 122–134.
- Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017.
- Флот в Белой борьбе / сост., науч. ред., пред. С.В. Волкова. М., 2002.*
- Astamadze G.* Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.
- Baumgart W.* Das “Kaspi-Unternehmen” – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.
- Bernstorff J.H.* Erinnerungen und Briefe. Zürich, 1936.
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992.
- Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.
- Erickson E.J.* Ordered to Die: A History of the Ottoman Army in the First World War. Greenwood, 2001.
- Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein:* Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.
- Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / Hrsg. von M. Epkenhans, G.P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin, 2019.*
- Hopkirk P.* On secret service east of Constantinople. The plot to bring down the British Empire. London, 1994.
- Jung P.* Der k.u.k. Wüstenkrieg. Österreich-Ungarn im Vorderen Orient 1915–1918. Graz, 1992.
- Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918 / Hrsg. von H. Afflerbach. München, 2005.*
- Kieser H.-L.* Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.
- Kurt Riezler.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972 (2008).
- Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940.
- Not All Quiet on the Ottoman Fronts: Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918 / eds M. Beşikçi, S. Akşin Somel, A. Toumarkine. Baden-Baden, 2019.*
- Paraquin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].
- Reynolds M.A.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge, 2011.
- Will A.* Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.
- Zürrer W.* Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344–380.
- Zürrer W.* Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.
- Zürrer W.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.

References

- Andersen A., Parzhaladze G.* Armjano-gruzinskaja vojna 1918 g. i armjano-gruzinskij territorial'nyj vopros v XX v. [The Armenian-Georgian war of 1918 and the Armenian-Georgian territorial question in the 20th century] // URL: <https://www.academia.edu/10382254> (access date: 01.02.2022). (In Russ.)
- Bezugol'nyj A.Ju.* General Bicherahov i ego Kavkazskaja armija 1917–1919 [General Bicherakhov and his Caucasian Army 1917–1919]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Bol'sheviki v bor'be za pobedu socialisticheskoj revoljucii v Azerbajdzhane. Dokumenty i materialy 1917–1918 gg. [Bolsheviks in the struggle for the victory of the socialist revolution in Azerbaijan. Documents and materials of 1917–1918] / eds Z.I. Ibragimova i dr. Baku, 1957. (In Russ.)
- Densterville'*. Britanskij imperializm v Baku i Persii 1917–1918. Vospominanija Densterville [British Imperialism in Baku and Persia 1917–1918. Memoirs] / per. B. Rudenko. Tiflis, 1925. (In Russ.)
- Fisher F.* Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. [A leap to world domination. The policy of military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918] / perev. s nem., komm. i pred. L.V. Lannika. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Flot v Beloj bor'be [The Fleet in the White Struggle] / sost., nauch. red., pred. S.V. Volkova. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Gajdar Bammatt – izvestnyj i neizvestnyj. Sb. dokumentov i materialov [Gaidar Bammatt – known and unknown. Collection of documents and materials] / sost. H.M. Donogo. Baku, 2015. (In Russ.)
- Igolkin A.A.* Otechestvennaja neftjanaja promyshlennost' v 1917–1920 gg. [Domestic oil industry in 1917–1920]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Lannik L.V.* Posle Rossijskoj imperii. Germanskaja okkupacija 1918 g. [After the Russian Empire. The German occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Lishin N.N.* Na Kaspijskom more. God Beloj bor'by [On the Caspian Sea. The Year of the White Struggle]. Praga, 1938. (In Russ.)
- Ludshuvejt E.F.* Turcija v gody pervoj mirovoj vojny [Turkey during the First World War]. Moskva, 1966. (In Russ.)
- Mailjan B.V.* Mezhdru Gruzij i Turcij: osobennosti irredentizma na primere Adzharii i Samche-Meshetii (1918–1921 gg.) [Between Georgia and Turkey: features of irredentism on the example of Adjara and Samtskhe-Meskheta (1918–1921)] // Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG [Historical Space. Problems of the history of the CIS countries]. Moskva, 2015. S. 129–161. (In Russ.)
- Mirzehanov V.S., Lannik L.V.* Batumskaja podсистема kak prostranstvo osmanskoj gegemonii v Zakavkaz'e: k postanovke problemy [The Batumi subsystem as a space of Ottoman hegemony in Transcaucasia: towards the formulation of the problem] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2021. № 3 (65). S. 5–22. (In Russ.)
- Muhanov V.M.* “Socializm vinogradarej”, ili Istorija Pervoj Gruzinskoj respubliki, 1917–1921 [“Socialism of winegrowers” or the History of the First Georgian Republic, 1917–1921]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Nosovich A.L.* Belyj agent v Krasnoj armii. Vospominanija, dokumenty, stat'i [White agent in the Red Army. Memoirs, documents, articles] / pod red. A.V. Ganina. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Petrosjan G.A.* Otnoshenija Respubliki Armenija s Rossiej (1918–1920 gg.) [Relations of the Republic of Armenia with Russia (1918–1920)]. Erevan, 2012. (In Russ.)
- Sergeev E.Ju.* Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnoshenija: ot intervencii k priznaniju, 1918–1924 [Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations: from Intervention to Recognition, 1918–1924]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Sergeev E.Ju.* Central'naja Azija v sovetskoj i britanskoj strategii v 1918 godu [Central Asia in the Soviet and British strategy in 1918] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2022. № 1 (66). S. 122–134. (In Russ.)
- Vachagaev M.M.* Sojuz gorcev Severnogo Kavkaza i Gorskaja respublika. Istorija nesostojavshegosja gosudarstva 1917–1920 [Union of Mountaineers of the North Caucasus and the Mountain Republic. The History of the failed state 1917–1920]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Voronovich N.* Mezhdru dvuh ognj (Zapiski zelenogo) [Between two fires (Notes of the green)] // Arhiv russkoj revoljucii [Archive of the Russian Revolution]. T. 7. Berlin, 1922. S. 53–183. (In Russ.)
- Astamadze G.* Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.
- Baumgart W.* Das “Kaspi-Unternehmen” – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.
- Bernstorff J.H.* Erinnerungen und Briefe. Zürich, 1936.
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992.

- Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.
- Erickson E.J.* Ordered to Die: A History of the Ottoman Army in the First World War. Greenwood, 2001.
- Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkennner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.
- Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / Hrsg. von M. Epkenhans, G.P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin, 2019.
- Hopkirk P.* On secret service east of Constantinople. The plot to bring down the British Empire. London, 1994.
- Jung P.* Der k.u.k. Wüstenkrieg. Österreich-Ungarn im Vorderen Orient 1915–1918. Graz, 1992.
- Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918 / Hrsg. von H. Afflerbach. München, 2005.
- Kieser H.-L.* Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.
- Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972 (2008).
- Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940.
- Not All Quiet on the Ottoman Fronts: Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918 / eds M. Beşikçi, S. Akşin Somel, A. Toumarkine. Baden-Baden, 2019.
- Paraquin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].
- Reynolds M.A.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge, 2011.
- Will A.* Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.
- Zürrer W.* Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344–380.
- Zürrer W.* Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.
- Zürrer W.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmächteinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.